

Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова
пр. Ленина, 46, Барнаул, 656031, Россия
E-mail: litox69@mail.ru

РОЛЬ СЛУХОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920–1923 ГОДЫ)

В статье анализируется тематика слухов, циркулировавших в Алтайской губернии на завершающем этапе Гражданской войны и в начальный период нэп. Автором представлена классификация слухов в зависимости от их содержания, показан механизм зарождения и распространения слухов, определено отношение власти к распространению такого рода неофициальной информации.

Ключевые слова: политическая жизнь, слухи, социальное поведение, общественные настроения, менталитет, Гражданская война, нэп.

Изучению социально-психологических аспектов исторического процесса в нашей стране долгое время не уделялось должного внимания, что в полной мере относилось и к рассматриваемому периоду. Вместе с тем ряд проблем, близких к изучаемой нами теме, был поднят еще в некоторых исследованиях 1970–1980-х гг. (см., например: [Кузнецов, 1974; 1989]). С начала же 1990-х гг. отечественные историки стали более активно обращаться к вопросам социальной психологии в ее историческом контексте. Вышли в свет монографии, анализирующие специфику настроений и поведения человека на общероссийском материале в разные периоды XX в. [Сенявская, 1995; Яров, 1999а; 1999б; 1999в; Зубкова, 1999; Поршнева, 2004]. Что касается сибирских ученых, то данная тематика получила свое развитие в работах И. С. Кузнецова [2001], а также в исследованиях ряда других авторов [Кладова, 2005; Кижаева, 2007; Щеглова, 2008]. В стремлении более глубоко выявить природу общественных настроений некоторые из историков обратили внимание на такой феномен массовой психологии, как слухи [Зубкова, 1999]. Особого внимания заслуживает статья Д. Давыдова, где эта тема рассматривается на материалах 1920-х гг. [2010].

В научной литературе представлено несколько дефиниций термина «слух» [Ахиезер, 1998. С. 447; Ольшанский, 2002. С. 275; Назаретян, 2005. С. 69]. При этом все исследователи отмечают два главных фактора широкого распространения слухов: наличие интереса массовой аудитории к определенной проблеме и неудовлетворенность этого интереса.

Территориальные рамки исследования ограничены Алтайской губернией. Выбор данного региона определен не только отдаленностью Алтая от европейской части России, что сказывалось на скорости передачи информации из центра, но и политической ситуацией, сложившейся в губернии. С разгромом Колчака Гражданская война в этом регионе не закончилась, а приняла иные формы, вылившись в партизанско-повстанческое движение антикоммунистических сил [Шишкин, 1997. С. 5]. Алтайская губерния была одним из регионов, где такое противостояние приняло особенно острые формы, что определило эмоциональное состояние населения.

Сведения о слухах, распространявшихся в Алтайской губернии, оказались документально зафиксированы в обзорах, отчетах и оперативных сводках ГПУ, госинформтровок, а также в следственных делах, возбужденных в 1920 г. в отношении ряда жите-

лей губернии. Заметим, что именно документация следственных дел позволяет определить, какое значение вкладывала в понятие «провокационный слух» власть.

Исходя из материалов следственных дел, можно сделать вывод, что наиболее распространенными в 1920 и в начале 1921 г. были слухи, прямым или косвенным образом передающие сведения, дискредитирующие режим большевиков. Информация такого содержания, как правило, рождалась в повседневных беседах. На протяжении 1920 г. любую фразу человека о возможной смене власти (а это могли быть слова «власть долго не продержится», «придет иная власть» и т. п.) органы ЧК могли трактовать как провокационный слух. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края содержит следственные дела, возбужденные в отношении лиц, распространявших подобные «провокационные слухи».

Так, житель с. Чесноковка Поповической волости Бийского уезда Брусенцов Иван Иосифович, 36 лет, обвинялся органами ЧК в распространении провокационных слухов, за что и был арестован 1 февраля 1920 г.¹ Из материалов следственного дела становится известно, что в одном из домов деревни, где собралось несколько крестьян, Брусенцов сказал фразу: «Придет весна, российские войска уйдут отсюда, тогда наша партия придет, и мы вам покажем»². Согласно свидетельским показаниям (в деле содержатся материалы допросов пяти свидетелей – жителей села), Брусенцов заявил также следующее: «Вы еще не знаете, что за свобода, вот придет весна, тогда узнаете»³.

Как следует из документов, слова о возможной смене власти арестованный произнес в беседе с односельчанами в ответ на вопрос о своем брате, который являлся приверженцем Колчака и, видимо, покинул деревню с его армией⁴. Таким образом, фраза Брусенцова не являлась по своей сути слухом, она представляла собой лишь эмоциональный отклик на вопрос личного характера. Говоря иначе, перед нами способ словесной защиты от словесного нападения, поскольку вопрос о родственнике, воевавшем на стороне белых, крестьянин расценил

для себя именно как вызов. Однако в ситуации информационного вакуума сказанная фраза, безусловно, могла вызвать цепочку слухов, так как произнесенные слова несли какие-то известия о возможных событиях.

Характерные сведения о зарождающихся и распространяемых слухах содержит также следственное дело, возбужденное в отношении Михальского Иосифа Петровича, 68 лет, арестованного 3 июля 1920 г. в с. Верх-Урюмском Славгородского уезда Алтайской губернии⁵. Как упоминается в протоколе допроса, арест Михальского произошел на улице, где он агитировал против советской власти, говоря, что «коммунисты все евреи, отберут весь хлеб и оставят по одному фунту». Также Михальский следующим образом высказывался по поводу снабжения деревни промтоварами: «А сулят товар вам к Рождеству, я вам дам свою голову на отсечение, если вы получите, они сулят только пока выманят у вас хлеб» (стилистика текста сохранена. – О. Л.). Были в речах арестованного и фразы в отношении событий войны: «Война кончится к 28 августа сего года, Россию разберут по частям Америка, Польша, Япония и другие. <...> Магьяры в неизвестном количестве пошли с красными и с 8-ю орудиями перешли к полякам, орудия отдали полякам, а сами пошли домой»⁶. Наконец, Михальский распространял информацию о положении в других городах, упоминая, что в Омске на столбах расклеены афиши с текстом следующего содержания: «Царь был дурачок – хлеб был пятачок, а сейчас стала республика – хлеб стал 33 рублика»⁷. Протокол допроса был подписан двумя свидетелями и пятью понятыми.

Из материалов следственного дела становится известно, что Михальский, являясь поляком, на протяжении нескольких лет, предшествующих аресту, проживал в Сибири, занимаясь мелкой торговлей. В процессе допроса Михальский заявил, что «все вышесказанное, действительно, может быть, говорил, я не отрицаю, так как был пьян»⁸.

Согласно решению уездной ЧК, факт провокации и контрреволюционной агитации был признан доказанным, а принимая во внимание «принадлежность Михальского

¹ ОСД КГУ ГААК. Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 22.

² Там же. Л. 11.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 54.

⁶ Там же. Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 54. Л. 6 – 6 об.

⁷ Там же. Л. 6 об.

⁸ Там же. Л. 13 – 13 об.

к нации, воюющей с Советской Россией, средний уровень его развития и кочующий образ жизни», было решено приговорить его к принудительным работам до конца Гражданской войны⁹. Таким образом, представители власти хотя и расценивали речь Михальского как антиправительственную агитацию, но все же понимали бытовую подоплеку сказанных им слов.

В отличие от следственных дел, информационные сводки органов ГПУ и отчетные доклады агитаторов не воссоздают точно процесс зарождения того или иного слуха, однако данный вид архивных документов важен для историков ввиду возможности определения тематики циркулировавших в обществе слухов.

Так, в докладной записке М. Ушакова, представленной в агитпропотдел Алтайского губкома РКП(б) в феврале 1921 г., отмечалось, что «распускается масса слухов». Крестьяне задавали характерные вопросы: «К какой стороне-то лучше присоединиться? То ли опять стоять за Советскую власть, то ли опять к белым переходить, которые нас меньше-то будут обижать»¹⁰.

На протяжении 1921–1922 гг. и первой половины 1923 г. официальные сводки сообщали в первую очередь о слухах, толковавших и предсказывающих политическую обстановку в стране и губернии. К примеру, весной 1922 г. в округе Барнаула распространялись сведения о том, «что скоро в Барнаул придут казаки, войска которых находятся в 60 верстах от города», что «советская власть весь хлеб отправила за границу, как контрибуцию»¹¹, что «великий князь Николай Николаевич идет войной на Советскую Россию», а «Ленин умер от кровоизлияния мозгов»¹² (процитировано дословно. – *О. Л.*). При этом упоминалось, что «скоро будут выборы президента, кандидатом в президенты назначен Николай Николаевич, это единственный человек, который может руководить государством, а нынешние правители годятся только в пастухи»¹³.

Осенью того же 1922 г. среди крестьян Кольванской волости шел разговор, что снова придется «заряжать оружие и идти

против власти»¹⁴. Слухи о возможных изменениях в центральной власти имели место в Алтайской губернии и в 1923 г. В частности, среди населения продолжали передаваться сообщения о спасительной миссии Николая Николаевича и болезни Ленина: «великий князь Николай Николаевич скоро придет освобождать Сибирь от коммунистов»¹⁵; «Ленин сошел с ума, а взамен его управляет Россией тов. Троцкий, который как еврей продаст всю Россию, а особенно наложит тяжесть на крестьянство»¹⁶.

В некоторых сводках ГПУ утверждалось, что слухи в большей степени циркулировали в городской среде. В докладе инструктора-ревизора Боброва отделу управления Алтайского губисполкома от 15 марта 1921 г. сообщалось, что настроение населения крайне различно: чем ближе к городу, тем оно хуже, тем больше всякого рода «провокационных слухов»¹⁷.

Анализ ряда других архивных документов не позволяет в полной мере принять версию о большей распространенности слухов в городе. Возможно, слухи, распространявшиеся в сельской местности, реже фиксировались в сводках ГПУ, либо они вызывали меньшее опасение у представителей власти по сравнению со слухами в городской среде, поскольку органы власти были сконцентрированы на подавлении крестьянского повстанческого движения.

Нередко в официальных документах начала 1920-х гг. вместо понятия «слухи» применялось иное выражение – «антисоветская агитация». Однако по своей сути эта агитация представляла ничто иное, как слухи, поскольку по личным каналам сообщалась информация оценочного характера, без цели оказать воздействие на широкие массы людей. Пример такой «агитации» – сведения из сводки Алтайского губотдела ГПУ за ноябрь 1922 г., где приводились слова народного судья 11-го участка г. Барнаула: «Ленин смещен, а Троцкий бежал»¹⁸. Подобные сведения, высказанные отдельными людьми, в дальнейшем ложились в основу слухов и весьма прочно «вращались» в общественное сознание.

⁹ ОСД КГУ ГААК. Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 54. Л. 16.

¹⁰ ГААК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 207. Л. 5 об.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 11 – 11 об.

¹² Там же. Д. 19. Л. 11 об.

¹³ Там же. Д. 19.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 113.

¹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 30. Л. 86.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 207. Л. 15 об.

¹⁸ Там же. Д. 19. Л. 74.

Понимая необходимость установления идеологического контроля над населением, властные структуры в ряде случаев в официальных сводках пытались выявить причину возникновения слухов. Так, в сводке Алтайского губернского отдела ГПУ за период с 1 по 9 декабря 1922 г. говорилось: «Агитация (в данном случае речь идет именно о слухах. – О. Л.) производится в большинстве случаев стихийно самим населением, [утверждается], что “скоро крестьяне поднимутся отстаивать чисто Советскую власть от насильников-коммунистов”»¹⁹. И далее: «Брожение проявляется на почве продовольственной, ввиду скверного отношения продовольственников к крестьянству, выражающемся мордобитием как бедного, так и кулацкого крестьянства...»²⁰.

В 1923 г., когда в Алтайской губернии был принят ряд мер в отношении продовольственных работников, «перегибающих палку», в документах указывались уже другие причины распространения слухов. Так, в политсводке за 11–18 июня 1923 г. сообщалось: в Рубцовском уезде «в связи с продолжающейся засухой настроение масс подавленное и ухудшилось, что видно из того положения, что в Ново-Егорьевской и Титовской волостях имели место слухи, что скоро будет какая-то перемена, вспоминают и жалеют колчаковские времена, а также будто бы город взят какими-то войсками»²¹.

Таким образом, исходя из материалов информационных сводок, прослеживается следующий механизм зарождения и распространения слухов: первоначально возникшее недовольство населения какими-либо действиями власти (как правило – продкампанией) или объективно сложившимся экономическим положением (это могла быть засуха) усиливалось недостаточной информированностью общества об истинном положении дел, а также недостаточным авторитетом власти. В результате этого стихийно ли, продуманно ли отдельными людьми высказывалось мнение о возможных вариантах развития ситуации либо давалась оценка происходящим событиям. Прозвучавшие неофициально, в устной речи, сведения получали движение в различных направлениях. Общество как губка впи-

тывало известия о государственной власти и политической ситуации, озвученные отдельными людьми, легко воспринимая то, чего более всего боялось, или то, на что надеялось в будущем.

Помимо слухов о переменах в государственной власти, среди жителей Алтайской губернии в начале 1920-х гг. получили распространение слухи о войне, о церковной политике большевиков, о налоговых, о финансовой реформе, о закрытии предприятий в городах. Так, слухи о войне, в частности с Германией и Францией, согласно официальным сводкам, имели место в Барнауле с осени 1922 и до весны 1923 г.²² Как следствие таких слухов, среди горожан возникли домыслы об общей мобилизации молодых людей, а также коммунистов. Разговоры о возможной войне, если верить информационным сводкам, достигли своего апогея к середине февраля 1923 г., а к концу того же месяца почти прекратились. Как указывается в одной из сводок, слух о начале войны был вызван начавшимся прохождением коммунистами всеобщего и частичной концентрации частей особого назначения в Барнауле²³. Другими словами, слабая информированность людей в отношении причин сосредоточения воинских частей в столице губернии порождала соответствующие домыслы. Вместе с тем нельзя забывать, что появление в массовом сознании образа войны – есть знаковое событие, так как именно этот образ отражает внутренне беспокойство людей.

В документах начала 1920-х гг. также отмечались сведения о слухах, в той или иной степени комментировавших происходившие в стране перемены, в первую очередь в сфере экономики. Слухи такого рода несколько отличались по своему содержанию от слухов, рассмотренных ранее, так как это были не нелепые вымыслы, как в случае с «бегством Троцкого», и не предположения о возможной войне, а зачастую весьма близкие к реальности догадки по поводу того, как могут развиваться события. Разговоры такого рода касались проблем повседневной жизни: необходимости сдачи продналога, закрытия предприятий, низкой

¹⁹ ГААК. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 25. Л. 9.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 22. Л. 92 об.

²² Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 47 об., 113, 119; Оп. 4. Д. 22. Л. 2, 5.

²³ Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 113.

покупательной способности денег, пьянства местного партийного руководства.

Таким образом, анализ содержательной стороны слухов распространяемых в Алтайской губернии в 1920–1923 гг., позволяет понять проблемы, наиболее всего волновавшие провинциальное советское общество. В первую очередь это – Гражданская война, политика большевиков, возможные перемены в высших эшелонах власти, моральный облик партработников среднего уровня, т.е. вопросы, так или иначе связанные с функционированием государственной власти в стране. Тематика циркулировавших в губернии слухов на протяжении рассматриваемого в работе периода изменялась. В 1920 г. слухи преимущественно интерпретировали события Гражданской войны, при этом предсказания дальнейшей политической ситуации были достаточно уравновешенными в эмоциональном плане. Возможно, такая эмоциональная выдержанность была следствием накопившейся усталости населения в условиях войны. В 1921–1922 гг., когда Гражданская война по сути дела уже была завершена, в слухах стала передаваться информация об активизации белого движения. Сведения такого рода зачастую переплетались с предположениями о переменах в высшем партийно-государственном руководстве, что свидетельствовало о разочаровании части населения властью большевиков. С осени 1922 по весну 1923 г. появилась новая группа слухов – о возможной войне с другими государствами, и это обстоятельство указывало на внутреннюю напряженность социума, неуверенность людей в завтрашнем дне. Также в слухах с 1922 г. толковались имевшие место экономические преобразования: финансовая реформа, закрытие предприятий, сбор продналога. Заметим, что нравственные пороки пришедших во власть людей, например пьянство, народная молва обсуждала на протяжении всего рассматриваемого периода.

Исходя из анализа тем, нашедших отражение в слухах, можно сделать вывод, что население в большей степени оказалось восприимчиво к информации, прямым или косвенным образом затрагивающей власть. Это происходило по нескольким причинам. Наиболее весомая из них – это продовольственные кампании, вызвавшие негативное отношение к коммунистам. Однако важно

помнить и о традиционном для России преобладании государственного интереса над интересом общественным. Данный социокультурный фактор способствовал формированию специфического менталитета и соответственно социального поведения. Это выразилось в том, что российское население проявляло повышенный интерес к институтам власти, в первую очередь к личностям, стоящим у руля государства, что в свою очередь и порождало своеобразную интерпретацию событий действительности, особенно в кризисное время.

Список литературы

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2: Теория и методология. Словарь. 600 с.

Давыдов Д. «А беззубые старухи их разносят по умам...» Как боролись с крестьянскими слухами в 1920-е годы // *Родина*. 2010. № 8. С. 107–109.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

Кижяева Т. А. Образ власти в менталитете крестьянства Томской губернии в годы Первой мировой войны // *Алтайская деревня в первой половине XX века*. Барнаул, 2007. С. 121–124.

Кладова Н. В. Следственные дела репрессированных периода формирования советской социально-политической системы: психоаналитическая интерпретация // *Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965*. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2005. С. 334–345.

Кузнецов И. С. Информационные материалы избирательных комиссий как источник изучения политической жизни сибирской деревни в период отчетно-перевыборной кампании Советов в 1928–1929 гг. // *Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в советский период*. Новосибирск, 1974. С. 66–73.

Кузнецов И. С. Письма селькоров как массовый источник изучения социальной психологии сибирского крестьянства 1920-х годов // *Массовые источники по истории Сибири*. Новосибирск, 1989. С. 8–18.

Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск, 2001. 235 с.

Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании: Учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 160 с.

Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М.: РАН, Ин-т российской истории, 1995. 219 с.

Шишкин В. И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск: Олсиб, 1997. 710 с.

Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. 528 с.: ил.

Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство северо-запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999а. 168 с.

Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999б. 320 с.

Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999в. 224 с.

Материал поступил в редколлегию 12.10.2010

О. А. Litvinova

**ROLE OF RUMOURS IN THE POLITICAL LIFE
OF ALTAY GUBERNIA (1920–1923)**

The subject area of rumours circulating in Altai Gubernia at the end of Civil war and at the beginning of NEP is analysed. The author shows the classification of rumours according to their content, the mechanism of rumours origin and rumours spreading. The attitude of authority to forwarding such kind of unofficial information is defined.

Keywords: rumours, social behavior, social mood, Civil war, NEP.